

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ СВИСТКА

Вся Россия согласна, что «Свисток» принадлежит нашему времени. «Наше время» недавно послало в Италию г. Берга, чтобы точнее удостовериться в храбрости Гарибальди и в невероятном факте падения неаполитанского королевства. «Свисток», как известно, в скептицизме никому не уступит, особенно когда дело идет о вещах для него неприятных. Поэтому и он пожелал приобрести более точные сведения о бесчинствах, происходящих в Европе. Но он не любит останавливаться на полдороге. Он, конечно, мог бы попросить съездить в Европу — г. Погодина, уже оказавшего ему столько неоцененных услуг, г. Забелина, так неутомимо разъезжающего между Тверью и Москвою¹⁵ и бичующего мужиков за то, что они едят тухлую рыбу... Мог бы «Свисток» адресоваться к профессору Сухомлинову¹⁶, отправленному за границу, по словам «Отчета» санктпетербургского университета, «для приобретения *необходимых для него* новых сведений по его науке»; мог бы просить корреспонденции г. Стасюлевича, который, изображая так хорошо, в своем курсе истории¹⁷, генеалогию всех испанских Альфонсов, конечно

349

не менее г. Берга должен знать толк в современных происшествиях. Наконец, если не к этим почтенным профессорам и академикам, то во всяком случае «Свисток» мог с полной доверенностью обратиться к одному из прославленных им братьев Милеантов, который еще в начале года публиковался в «Московских ведомостях» отъезжающим за границу.

Конечно, специальность братьев Милеантов до сих пор известна публике довольно мало; но не подлежит сомнению, что, во-первых, оба они, в качестве протестантов, отличаются благородством души и признают гнусность клеветы, во-вторых — что один из них (неизвестно только, тот ли, который поехал за границу) поместил в «Подснежнике» статью о египтянах¹⁸ и тем в признательных сердцах юных читателей журнала г. Майкова воздвиг себе памятник «металлов тверже и выше пирамид...»¹⁹ Кажется, чего бы лучше такого корреспондента, если уж «Свисток» и не хотел обратиться к вышеназванным профессорам, и если другие, как, например, господа Вернадский и Серно-Соловьевич, были отвлечены своими учеными занятиями на европейских конгрессах!..²⁰ Но «Свисток» рассудил так: «Если я не верю сведениям “собственных” корреспондентов “Северной пчелы” (хотя, не в пример “Московским ведомостям”, и верю, что она имеет “собственных” корреспондентов), если я не верю телеграфу (который в последнее время изоврался совершенно), не верю ни “Тэймсу”, ни “Аугсбургской газете”, не верю даже русским — “Инвалиду” и “Вестнику”, то какой резон имею я доверять более г. Бергу или г. Милеанту? Конечно, один из них переводил со всевозможных языков²¹ индейские песни, другой писал о египтянах; но все это не дает еще мне достаточных гарантий, что они представят мне события именно в таком виде, как мне хочется. Для достижения благоприятного результата, для успокоения сердца моего остается одно средство: отправиться самому на место преступлений европейских! Тогда я — что захочу, то и увижу; как захочу, так и пойму события. И никто тогда уже не спорь со мною: всякому рот зажму! Я скажу: «Нет-с, нет, милостивый государь, — об этих

вещах понаслышке нельзя судить; надо знать их, надо видеть, самому видеть, на месте быть, — тогда только можно судить правильно. Я там был, я видел, уж вы со мной не спорьте!».

Так рассудил «Свисток» и отправился en personne за границу, как только дошел до него слух об экспедиции Гарибальди в Сицилию. Намерение его было — свистнуть на всю Италию; но вообразите, по всей Европе англичане (больше некому!) насажали клакёров, которые так аплодировали всем итальянским беззакониям, что разве только Илья Муромец или г. Байборода мог бы заглушить их аплодисменты. «Свисток» с первого же своего появления рекомендовал себя благонравным юношею, свистящим весьма умеренно, под благодетельным покровом существующих законов; поэтому он вынужденным нашелся замолчать на время, среди такой сумятицы, и вот почему «Наше время», гораздо после его возымевшее счастливую идею собственных рекогносцировок в Европе, успело прежде его возвестить о том публике.

Но «Свисток» теперь ободрился. Он видит, как английские клакёры утомились, как вся Европа начинает отдыхать от их хлопанья и выражать полнейшее неодобрение сумасшедшим итальянцам. Отозвание французского посланника из Турина²² и последний протест неаполитанского короля в Гаэте особенно ободрили его. Теперь «Свисток» ставит себя, так сказать, на

европейскую ногу и обещает заниматься по преимуществу судьбами царств и народов. Русской литературе дается отпуск. Хотя «Свисток» и называется

по–прежнему «собранием литературных, журнальных и других заметок»; но мало ли что как называется! В «Современнике» вон каждый месяц печатаются «Заметки *Нового* поэта»; а какой же он *новый*?²³ Для большинства читателей он не может оправдывать свое название даже тем афоризмом, что «ново то, что хорошо забыто»: сколько мы знаем, он, к чести русской публики, никогда забыт не был! А слывет себе *новым*, да и только! Так и «Свисток» пусть зовется по–прежнему, хотя собственно теперь он занят уже более *другими*, нежели «литературными и журнальными» заметками. О, он теперь делается важною персоною, почти государственным мужем, и литературные мелочи далеки от него! Господин Ржевский может теперь, отделавши кадастровых чиновников, обрабатывать профессоров и экзаменаторов и, указавши способы развития пролетариата, может хлопотать о способах сокращать университетские штаты; г. Краевский может издавать или не издавать «Энциклопедический лексикон»; г–жа Каролина Павлова и г. Н. Греков могут сколько угодно перепечатывать в журналах свои старые стихотворения; в «Русском вестнике» могут распускаться новые цветы с старым запахом экономической деятельности; г. Летголла может уверять г. Костомарова, что он не смыслит ни слова политовски; г. Страхов может переносить из «Светоча» в «Русский вестник» свои трансцендентальные теории о веществе; «Полицейские ведомости» могут украшаться краткими, но капитальными статьями именитых сотрудников; новый «Век» с новыми «Основами» может водворяться в Русской литературе: «Свисток» даже губами не пошевелит, чтобы их приветствовать... Разве кто–нибудь из посторонних сотрудников сообщит несколько замечаний: они всегда будут приняты с

благодарностью... Но сам «Свисток», собственной персоною, погружен теперь в государственные соображения — о папе, Неаполе, Сирии, Монтемолине, принципе невмешательства, графе Боррисе и Кавуре, трактатах 1815 года и главное — о будущем всеобщем конгрессе²¹, который, надо полагать, не уступит даже конгрессам, удостоенным присутствия гг. Вернадского и Серно–Соловьевича... Внимайте же мудрым рассуждениям «Свистка», получающего на сей раз такое широкое назначение! Правда, он от себя будет говорить немного: но зато он вам представит некоторые выдержки из обширной корреспонденции, которую завел он с людьми, близкими ему по сердцу и духу; зато он даст вам подлинные документы о состоянии умов в Европе, ему только известные и доставшиеся ему из первых рук; наконец, он сообщит вам и о том, с каким достоинством держат себя в настоящих трудных обстоятельствах наши любезные соотечественники, путешествующие по Европе. Читайте же и утешьтесь в отсутствии литературного и журнального элемента!